

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

АЛЕКСЕЙ ОЛЕЙНИКОВ

Военно-исторические книги издательства «Яуза»

Алексей Олейников

**Русское военное искусство
Первой мировой**

«Яуза»

2019

УДК 68
ББК 93/94

Олейников А. В.

Русское военное искусство Первой мировой / А. В. Олейников —
«Яуза», 2019 — (Военно-исторические книги издательства
«Яуза»)

ISBN 978-5-00155-014-3

История военного искусства обобщает опыт войн, изучает процесс развития военного искусства и вскрывает его закономерности, создавая тем самым основу для развития современной военной теории. Предлагаемая книга — это одна из первых попыток исследовать военное искусство на Восточном (Русском) фронте Первой мировой войны 1914–1918 гг., проследить эволюцию от высших к низшим элементам военного искусства (от стратегии к оперативному искусству и тактике) и увидеть как военное искусство русской армии воплощалось в жизнь на практике — в реалиях маневренной и позиционной форм ведения боевых действий Русского фронта Первой мировой войны.

УДК 68
ББК 93/94

ISBN 978-5-00155-014-3

© Олейников А. В., 2019
© Яуза, 2019

Содержание

Введение	5
I. Стратегическое искусство русской армии	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Олейников

Русское военное искусство Первой мировой

Введение

История военного искусства, являющаяся составной частью военной истории, исследует возникновение и эволюцию форм и способов ведения вооруженной борьбы, обобщает опыт войн, изучает процесс развития военного искусства и вскрывает его закономерности, создавая тем самым основу для развития современной военной теории.

В этой книге исследовано военное искусство на Восточном (Русском) фронте Первой мировой войны 1 ОНЮ 18 гг. на основе совокупности его элементов, в числе которых: тактика, оперативное искусство, стратегия.

Военное искусство русской армии этого периода рассмотрено комплексно – на основе исследования совокупности входящих в него элементов, ранее недостаточно и всесторонне исследованных.

Проанализированы особенности маневренного и позиционного периодов боевых действий, присутствуют показательные примеры из истории Русского фронта Первой мировой войны.

Ранее выходили работы, посвященные отдельным элементам военного искусства в том или ином контексте. Например, это разделы в трудах: История военного искусства. Сборник материалов. М., 1952 г.; История военного искусства. М., 1984 г.; Строков А. А. История военного искусства. С.-Пб., 1994 г. Но элементы военного искусства изучались часто фрагментарно, либо повествование сводилось к хронологическому рассмотрению хода боевых действий.

Структура работы такова, что позволяет проследить эволюцию от высших к более низким элементам военного искусства (от стратегии к оперативному искусству и тактике) и увидеть, как военное искусство русской армии воплощалось в жизнь на практике – в реалиях маневренной и позиционной форм ведения боевых действий Русского фронта Первой мировой войны.

I. Стратегическое искусство русской армии

Стратегическое искусство – важнейший элемент и одновременно высшее проявление военного искусства. Стратегическое искусство занимается вопросами подготовки, планирования и ведения войны, военных кампаний и стратегических операций.

По своей сути стратегия – совокупность способов достижения победы в вооруженном противоборстве путем определения целей войны, реализации военного планирования и систематического внедрения системы мер противодействия противнику в условиях постоянно изменяющейся обстановки.

Стратегия охватывает практическую деятельность высшего военного командования государства по подготовке и осуществлению военных действий. Соответственно, она тесно связана с политикой – т. к. на основе определяемых политикой целей разрабатываются стратегические планы.

Стратегическое искусство включает в себя как искусство планирования боевых действий, так и систему операций вооружённых сил для достижения конечной цели войны. В некоторых государствах различают большую стратегию (стратегию войны в целом) и малую стратегию, предметом которой являются вопросы планирования, подготовки и проведения военных операций (в России малая стратегия именуется оперативным искусством).

Стратегическое искусство русской армии стало предметом исследования ряда военных мыслителей в довоенный период.

Крупнейшим военным теоретиком был Н. П. Михневич – военный историк, участник Русско-турецкой войны 1877—78 гг., в 1904–1907 гг. – начальник Николаевской академии Генерального штаба; ас 1911 г. – начальник Главного штаба.

Он считал¹, что военная наука имеет свои основные принципы, на которых базируются формы ведения военных действий – вне зависимости от переживаемого исторического периода они неизменны. Соответственно, принципиальная основа стратегического искусства постоянна – меняется лишь его практическое содержание.

Теоретик выделял следующие важнейшие принципы стратегического искусства. Принцип экономии сил предполагал создание адекватной группировки вооруженных сил в зависимости от важности пунктов, подлежащих оперативному воздействию. Принцип превосходства моральных факторов над материальными означал, что материальные и моральные силы и средства тесно взаимосвязаны, но духовное начало на войне имеет преобладающее значение. Принцип случайности заключался в том, чтобы определить необходимые средства для предупреждения и устранения случайностей на войне. Принцип внезапности выражался в трех формах: внезапность идей, действий и техники.

В начале двадцатого века, как справедливо считал Н. П. Михневич, конечный результат военного противостояния зависит не только от действий вооруженных сил, но и от глубинных социально-экономических факторов, определяющих функционирование государственных организмов противоборствующих сторон. Исход войны должен решаться только после истощения материальных и моральных сил и средств одного из противников.

Верно оценив сущность коалиционных войн, Н. П. Михневич характеризовал их достаточно негативно – он отмечал, что для них характерны зависть, интриги, недоверие со стороны партнеров; затрудняется эксплуатация ресурсов союзных государств во имя общих интересов, а в ведении войны иногда приходится отказаться от слишком смелого шага для достижения общекоалиционного блага. В борьбе против вражеской коалиции, по справедливому заключению теоретика, следует выявить ее слабые стороны и туда нанести свои удары.

---

¹ Михневич Н. П. Стратегия. Спб., 1911.

Предвосхитил Н. П. Михневич и появление войн нового поколения – тотальных. Он увидел грядущее появление миллионных армий, состоящих из различных категорий войск – если ранее поражение полевой армии противника предreshало участь всей войны, то теперь за армией первого эшелона враг может организовать вторую армию из резервных войск. Лишь истощение резервов и мобилизационных возможностей могло привести к победе.

Н. П. Михневич отмечал, что неизбежны затяжные войны, т. к. при современном развитии военно-экономического потенциала великих держав маловероятен решительный успех одной из сторон и, соответственно, быстрое окончание войны. Обосновывая неизбежность войн на истощение, он писал, что достижение военной победы зависит и от способности вооруженных сил выдерживать продолжительную борьбу.

Писал Н. П. Михневич и о стратегии обширных театров: при неблагоприятной стратегической расстановке сил Россия всегда может прибегнуть к стратегии затяжной борьбы, избегая решительных столкновений и получая возможность изнурить силы противника, т. к. время лучший союзник ее вооруженных сил. Стратегия России должна предусматривать отказ от решающих боевых столкновений на границе и стремиться к затяжной войне, в то время как стратегия европейских государств будет направлена на то, чтобы сразу навязать решительные действия, которые приведут к полному напряжению своих сил и средств в начале войны – чтобы завершить ее в кратчайшие сроки.

Особое значение Н. П. Михневич придавал функционированию железнодорожного транспорта – быстрота проведения мобилизации, сосредоточения и развертывания армии при его помощи позволяет предупредить действия противника и захватить стратегическую инициативу. Идеал стратегии – успеть сосредоточить к решающему моменту кампании максимально возможные силы. Но и пренебрегать т. и. второстепенными операциями также не следует – ведь зачастую невозможно определить, на каком участке наступит перелом и будет достигнут стратегический результат.

Главное значение среди форм военных действий Н. П. Михневич придавал стратегическим наступательным действиям, т. к. наступательное сражение есть естественная развязка стратегической наступательной операции. Он писал, что очень часто секрет успеха заключается в применении принципа т. и. частной (локальной) победы – поражение неприятеля в одном важном пункте ведет к победе на всем театре военных действий.

Важнейшим способом стратегических наступательных действий теоретик совершенно справедливо считал стратегический прорыв – прорванный фронт представляет собой серьезную угрозу коммуникациям армии и вынуждает ее к беспорядочному и поспешному отступлению. Стратегический прорыв, по Михневичу, необходимо осуществлять значительными силами, т. к. прорвавшаяся в глубь обороны противника армия может быть охвачена с флангов и даже окружена. После прорыва атакующий должен действовать быстро и энергично – чтобы не дать противнику опомниться и соединить прорванные части своей армии.

Фланговая стратегическая атака вследствие интенсивного развития вооружений и, соответственно, усиления оборонительного потенциала противника, получила наиболее широкое применение. Н. П. Михневич отмечал, что она может быть следствием прорыва – когда прорвавшая фронт противника часть армии осуществляет захождение плечом и повторяет атаку, либо следствием охвата или обхода. В случае успеха фланговая стратегическая атака обещает наиболее крупные последствия, но в то же время требует надлежащей базы и тесной связи взаимодействующих войск.

Особое значение Н. П. Михневич придавал стратегическим резервам (сосредотачиваемым, в т. ч. посредством железнодорожных перевозок).

Генерал структурировал войну как совокупность кампаний и операций, преследующих достижение соответствующих целей, отмечая, что война состоит из одной или нескольких боевых кампаний, а кампания из одной или нескольких операций. Предвосхитил он и образование

фронтов как самостоятельных групп армий. В Первой мировой войне именно русская армия первая среди воюющих противников образовала фронтовые объединения.

Другой видный русский военный теоретик предвоенной эпохи – генерал А. Г. Елчанинов, ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре стратегии. Он являлся автором ряда работ по русской военной истории (прежде всего о деятельности А. В. Суворова и войне 1812 г.), а также о стратегии и тактике. Главный военно-теоретический труд А. Г. Елчанинова – «Ведение современных войн и боя»².

Сторонник самобытного развития русского военного искусства, А. Г. Елчанинов рассматривал стратегическое искусство как синтез истории и современности. Подготовка к войне должна быть комплексная, с полным напряжением и нравственных и материальных сил государства – к ней необходимо готовиться не только в военном смысле, но и с политико-хозяйственной точки зрения.

Говоря о формах стратегических действий, А. Г. Елчанинов указывал, что т. к. тактический прорыв в связи с резко возросшей огневой мощью войск (особенно артиллерийского огня) и плотностью все более эшелонируемых в глубину боевых порядков противника стал весьма затруднен, первостепенное значение приобретает стратегический прорыв. Как отмечал теоретик, чем меньше возможностей уничтожить противника обходами и охватами, тем важнее прорыв, а чем менее выполним прорыв, тем эффективнее, в свою очередь, должны быть обходы и охваты. Основной целью на войне должна оставаться угроза коммуникациям врага и их захват – венцом этих маневров является стратегическое, а в дальнейшем и тактическое окружение. Стратегические обходы, по справедливому замечанию А. Г. Елчанинова, требуют особого отношения к использованию фактора внезапности.

Другой видный русский и советский военный теоретик полковник Генерального штаба, ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба А. А. Незнамов³ также считал, что в условиях начала XX века стратегический прорыв более труден и опасен, чем прежде.

Таким образом, у русской армии к началу Первой мировой войны имелась комплексная военно-теоретическая база, адаптирующая основы стратегического искусства к современным условиям. Исследуя все стороны этого искусства, русская военная наука призывала действовать активно, применяя стратегический маневр.

Подходить к оценке стратегического искусства русской армии следует с учетом того обстоятельства, что Первая мировая война была войной нового поколения.

Прежде всего, она являлась коалиционной войной.

В свете коалиционной стратегии действия противоборствующих сторон подчиняются несколько иным законам, и, казалось бы, бессмысленные боевые операции и безрезультатные кампании оказываются наиболее эффективными.

В коалиционной войне даже поражение одного из союзников зачастую вызывает победу другого – и тогда поражение может иметь большее значение, чем победа. Но союзники должны помнить друг о друге во время проведения боевых операций и руководствоваться прежде всего не узкоэгоистическими интересами собственного фронта, а пользой коалиции в целом.

Доктрина коалиционной войны сформулировала следующие принципы, на которых основывается любая коалиция, и при соблюдении которых возможна общая победа всего блока: 1) сила коалиции основывается на моральной дисциплине членов коалиции; 2) каждая входящая в состав коалиции нация обязана сражаться в рамках, установленных общим планом

---

² Елчанинов А. Г. Ведение современных войн и боя. Спб., 1909.

³ См. Незнамов А. А. Современная война. Спб., 1911.

совместных действий – отдельные инициативные выступления запрещаются; 3) национальные интересы должны уступать общим интересам⁴.

И в ходе развернувшейся войны германскому блоку не удалось громить своих противников поодиночке: как только врагу удавалось создать перевес на одном из фронтов и начать там наступление, следовало наступление их противника на другом ТВД. Германцы и их союзники так и не смогли добиться решающего успеха ни на Русском, ни на Французском фронтах (а длительная война вела к неминуемому поражению Германии) во многом благодаря усилиям русской армии.

Нахождение России в составе Антанты и необходимость подчинять свои стратегические интересы реалиям коалиционной войны наложили отпечаток на русское довоенное стратегическое планирование.

В соответствии с Франко-Русской военной конвенцией 1892 г. Россия должна была выдвинуть против Германии 800-тысячную армию, облегчив ситуацию для французской армии (численностью 1 млн. 300 тыс. человек). Конвенция предусматривала одновременность мобилизационных усилий и взаимопомощь союзников. Главным противником называлась Германия.

Союзники по Антанте – Коалиционная война. Плакат. Взято из: Нива, 1914.

Французский генеральный штаб стремился добиться от русской армии скорейшего и энергичного наступления именно на германском фронте. Причем союзники рассчитали время, необходимое для того, чтобы действия русской армии могли серьезно повлиять на события на Французском фронте. Так, было определено, что она может вступить в соприкосновение с германской армией на 14-й день боевых действий, полноценное наступление против Германии начнется на 23-й день, а воздействие русских войск отразится на Французском фронте примерно на 35-й день после начала мобилизации (когда русские войска достигнут рубежа Торн – Алленштейн).

На довоенных совещаниях начальников генеральных штабов (1910–1913 гг.) русские и французские представители подтверждали, что главной целью союзных войск является разгром армии Германской империи. На совещании в Красном селе в 1911 г. было предусмотрено, что русские войска на германском фронте должны были начать активные действия после 15-го дня мобилизации. Операционные направления указывались: 1) в направлении на Алленштейн (если противник сосредоточит свои войска в Восточной Пруссии); или 2) в направлении на Берлин (если германские войска сосредоточатся на рубеже Торн – Познань).

⁴ Эмишен. Доктрина коалиционной войны. М.-Л., 1928. С. 10.

Значительное внимание на франко-русских консультациях уделялось сокращению мобилизационного времени, уточнялись детали, вырабатывались варианты действий России и Франции.

Французы изначально желали, чтобы Россия удержала на своем фронте 5–6 германских корпусов, обещая при направлении германцами главного удара против России, перейти, в свою очередь, в энергичное наступление против Германии. Но в стратегическом планировании союзников присутствовали значительные недостатки. Так, генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов писал: «Что касается военной конвенции, то таковая вследствие слишком общего характера ее подвергалась впоследствии неоднократным обсуждениям и уточнениям... Обсуждению подвергались лишь частности конвенции, устанавливавшие размеры помощи, время и направление ее, а также другие данные технического порядка... Вполне очевидно, что конвенция, заключенная еще в мирное время, могла предусматривать вопрос о совместных действиях лишь в первоначальный период войны... Но даже столь важный и существенный вопрос, как вопрос обеспечения единства действий, в течение дальнейшего периода войны никогда в обсуждениях затронут не был, что и должно было привести к той несогласованности этих действий, которая... была причиной весьма многих неудач и создала вообще чрезвычайно благоприятную обстановку для Центральных держав, занимавших в отношении своих противников выгодное, в смысле стратегическом, внутреннее положение»⁵.

И, кроме того, главным политическим противником Российской империи была не Германия, а Австро-Венгрия.

В 1912 г. был принят план стратегического развертывания русской действующей армии в двух модификациях: вариант «А» («Австрия» – главный удар против Австро-Венгрии) и вариант «Г» («Германия» – основные военные усилия России направлялись против Германии). Решающим фактором было то, куда будет направлена главная часть германской военной машины – против России (тогда вступал в силу вариант «Г») или Франции (в этом случае задействовался вариант «А»). Таким образом русское военно-политическое руководство пыталось согласовать русские стратегические интересы с обязательствами перед Францией.

В соответствии с планом «А» предписывалось решительное наступление против войск Германии и Австро-Венгрии. Если задачей русских армий на германском фронте являлось нанесение поражения группировке противника в Восточной Пруссии и овладение этим ТВД в качестве плацдарма для дальнейших действий, то австрийская армия подлежала полному разгрому. То есть, предусматривалась операция с ограниченными целями в Восточной Пруссии и операция с решительными целями в Галиции (путем нанесения ударов по сходящимся направлениям с севера и юга на Перемышль— Львов с перспективой наступления на Краков).

План «Г» предполагал операцию с решительными целями в Восточной Пруссии, в то время как действия противника на остальных фронтах подлежали сдерживанию. Задача русских войск на австрийском фронте была более скромной чем в первом случае: не допустить противника в тыл русским войскам, действующим против Германии.

Вопреки предвоенным совещаниям начальников штабов России и Франции, русское довоенное стратегическое планирование рассматривало в качестве приоритетного противника не Германию, а Австро-Венгрию – это диктовалось русскими национальными стратегическими интересами.

---

⁵ Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. С. 139.

Россия и Германия – карикатура. Взято из: Военный сборник. 1915. № 9.

Военный историк и участник войны генерал-лейтенант Н. Н. Головин совершенно справедливо считал, что главный удар против Австрии абсолютно не противоречил нормам Франко-Русской конвенции, т. к. являлся непрямым стратегическим воздействием на главного врага – Германию. Ведь угроза уничтожения австро-венгерских войск на более благоприятном для боевых действий ТВД (Галиции) с большей степенью вероятности приведет к переброске германских войск с Французского фронта на помощь своему союзнику, чем вторжение русских

войск в менее маневродоступный ТВД (Восточная Пруссия). Немцы не могли проигнорировать поражение союзника под угрозой неудачи в войне для всего блока.

В долгосрочной перспективе это и произошло – немцам пришлось наращивать свою группировку против России под угрозой военного ослабления Австрии. Но вместе с тем в краткосрочной перспективе именно русское вторжение в Восточную Пруссию вызвало наиболее быструю реакцию противника и в кратчайшие сроки сказалось на стратегическом положении Французского фронта.

Налицо разброс сил (2 армии – до 34 % сил выставлено против Германии и 4 армии, т. е. свыше 52 % – против Австро-Венгрии). Но в сложившейся обстановке он был неизбежен, т. к. Первая мировая война – война коалиционная, и России нельзя было допустить поражения Франции под угрозой собственного поражения. Разгромив англо-французов, Германия перебрасывала свои освободившиеся армии на Восточный фронт и вместе с Австро-Венгрией сминала русские войска. В этот период никакие успехи русских войск в противостоянии с Австрией не смогли бы компенсировать крушение Франции.

Военный специалист профессор А. А. Свечин писал: «Вторжение в Восточную Пруссию (русской армии. – **А.О.**) было не только нашей обязанностью, но и диктовалось нам инстинктом самосохранения. Германия поворачивалась к нам, с началом войны, спиной. Мы должны были напрячь свои силы, чтобы больно её укусить и помнить при этом, что чем больнее был наш укус, тем скорее ее руки выпустят схваченную за горло Францию...»⁶.

Но в предвоенный период среди компетентных кругов России присутствовало недовольство стратегическим планированием, и считалось, что план войны «был во многих отношениях невыгоден для России, так как русские силы сосредоточивались против пустого почти пространства на германском фронте, тогда как Австро-Венгрия в это время направляла против нас главные свои силы»⁷. Исходя из специфики коалиционной войны, Россия сознательно приносила в жертву возможность нанесения быстрого и решительного поражения одному из своих противников ради интересов всей коалиции.

Кроме того, русское командование и по вполне объективным причинам (прежде всего, вопросы мобилизации и транспортной инфраструктуры) не могло полностью выполнить своего обещания союзникам о сосредоточении на германском фронте 800-тысячной армии и о решительном наступлении на нем после 15-го дня мобилизации. В состав Северо-Западного фронта выделялось (и лишь к 40-му дню мобилизации) не более 450 тыс. штыков и сабель. На 15-й день в составе войск на германском фронте могло быть сосредоточено не более 350-ти тыс. человек (реально же было еще меньше). К этому времени Россия могла развернуть против Германии и Австро-Венгрии лишь 27 пехотных и 20 кавалерийских дивизий, т. е. треть своих сил. Для переброски следующей трети требовалось еще 8 дней, а последние войска прибывали на фронт вплоть до ноября 1914 г.

Военная наука требовала ждать полного сосредоточения войск – иначе наступающие войска оставались без второочередных частей, тяжелой артиллерии и тыловых служб. Но перспектива скорого разгрома союзника обязывала российское военно-политическое руководство жертвовать национальными интересами ради общесоюзных.

Принятый русским военно-политическим руководством план стратегического развертывания теоретически отвечал сразу двум задачам: нанести решительное поражение австро-венгерской армии и оказать быструю и эффективную помощь Франции путем наступления в Восточной Пруссии. Но он наталкивался на непреодолимые трудности, главной из которых была недостаточность сил русской армии на начальном этапе мировой войны. Огромная протяженность фронта, постепенность переброски сосредотачиваемых войск при маневренных

⁶ Свечин А. А. «А» или «Г»? // Военное дело. – 1918. – № 25. – С. 12.

⁷ Валентинов Н. А. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. 4.1. – М., 1920. С. 13.

боевых действиях – накладывали значительный отпечаток на первые операции русской армии. Именно недостаточность сил и недоотмобилизованность русских войск привели к неудаче в Восточной Пруссии и к более скромному, чем предполагалось, результату Галицийской битвы.

Так, войска Северо-Западного фронта насчитывали на бумаге 30 дивизий (реально же – на треть меньше), противостоя 16–20 германским дивизиям. Но 16 немецких дивизий, по своей огневой мощи равнявшихся 20–22 русским, и опиравшиеся на сильные оборонительные рубежи Восточной Пруссии, могли легко противостоять наступлению 22–24 русских дивизий.

На главном же (австрийском) фронте против 44–47 австро-германских дивизий противостояло до 42,5 русских дивизий (к тому же и с более поздними сроками готовности).

При такой расстановке сил трудно было ожидать решающего успеха на обоих стратегических направлениях. Но союзнический долг обязывал русскую армию действовать активно. Н. А. Таленский так оценивал «стратегическую раздвоенность» русского довоенного планирования: «Оперативно-стратегическая значимость русского Северо-Западного фронта, с точки зрения собственных интересов России, позволяла уменьшить силы, предназначенные для борьбы с Германией, ведя на этом фронте оборонительные действия, и увеличить силы, направленные против Австро-Венгрии. Однако русский генеральный штаб был связан условиями Франко-Русской конвенции...»⁸.

Очевидно, что уже на первом этапе войны важнейшая роль русской армии заключалась в срыве всего довоенного стратегического планирования держав германского блока. Его шанс выиграть войну на два фронта заключался в том, чтобы, воспользовавшись преимуществами внутренних операционных линий, разбить своих противников по частям, используя разницу в сроках между французской и русской мобилизациями. Аналогичным образом Россия повлияла и на австро-венгерское стратегическое планирование, в то время как Австро-Венгрия воевать на два фронта была способна еще менее Германии.

Таким образом, в коалиционной Первой мировой войне России пришлось «разрываться» между исполнением союзнического долга и реализацией собственных стратегических задач. Соответственно и главные фронты для России – Юго-Западный и Кавказский (тогда как Северный и Западный фронты выполняли, прежде всего, задачу оковывания германских войск). Во многом именно в этом кроется относительная пассивность Северного и Западного фронтов по сравнению с «ударными» фронтами – Юго-Западным и Кавказским.

В ходе войны Россия проводила боевые операции, предназначенные облегчить положение союзников – эти, зачастую неудачные с оперативно-тактической точки зрения, положительно отразились на положении Антанты (Восточно-Прусская операция 1914 г., операция на Стрыпе в декабре 1915 г., Нарочская операция 1916 г.). Операции же, проводившиеся для реализации российских стратегических задач, приводили к важнейшим результатам и большому успеху (Галицийская битва, Карпатская операция, наступление Юго-Западного фронта 1916 г., Эрзерумская, Трапезундская, Эрзинджанская, Огнотская операции). Но и эти операции способствовали победе всей коалиции, т. к. отвлекалось внимание противника, перемалывались его дивизии, тратились вооружение и боеприпасы, под влиянием побед русского оружия появлялись новые союзники.

---

⁸ Таленский Н. А. Первая мировая война 1914–1918 гг. – М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1944. С. 15.

Ветеран и новобранец Антанты, 1917. Взято из: Нива, 1917.

Как правило, операции, проводившиеся исключительно в интересах союзников (торопивших со сроками, навязывавших параметры операции) были в военном отношении неудачными и, наоборот, планировавшиеся последовательно русским командованием ради очевидной перспективы Русского фронта, были успешны.

Наличие двух главных ТВД уже исключило для германского блока возможность выиграть войну. Раздвоение стратегической мысли противника, оперативные метания, переброски войск с одного стратегического ТВД на другой – суровая реальность для стран Четверного союза.

Усилия русской армии в большой степени повлияли на процесс перехода стратегической инициативы.

Так, летом 1914 г. вторжение русских войск в Восточную Пруссию и Галицию сорвало планы А. Шлиффена и Ф. Конрада фон Гетцендорфа, и германский блок столкнулся с реальностью войны на два фронта – воспользоваться разницей в сроках мобилизации и разбить своих противников поодиночке ему не удалось.

Осенние операции 1914 г. в Восточной Пруссии и Польше явились важнейшей предпосылкой проигрыша Германией битвы за Фландрию и привели к окончательной стабилизации Французского фронта. Австро-германцы начали наращивать группировку своих войск на Русском фронте и перенесли центр тяжести боевых операций своего блока против России. Благодаря этому союзники России получали на Французском фронте годовую передышку.

С конца весны 1915 г. германский блок захватил и в течение года удерживал стратегическую инициативу – русская армия приняла на себя главный удар объединенных сил германского блока, но и в этот период серией боевых операций пыталась облегчить положение своих союзников.

В результате наступления Юго-Западного фронта и операции на Сомме 1916 г. стратегической инициативой вновь завладели державы Антанты. Ответ армий держав германского блока заключался в натиске на наиболее слабого члена Антанты – Румынию, которая оказалась разгромленной. Но Румынский фронт был реанимирован действиями русских войск. Именно крупномасштабное наступление русской армии весной – осенью 1916 г. позволило Антанте вновь овладеть стратегической инициативой.

И лишь революция в России изменила стратегическую ситуацию.

Помимо реалий коалиционной войны, учитывая специфику Русского фронта, русская армия была вынуждена применять стратегию обширных театров.

Генерал-лейтенант В. Борисов писал в этой связи: «В 1914 г. мы не руководствовались стратегией для своего, русского, театра: мы развернули армии так, как будто намеревались быстро пройти через Бельгию, хотя германский марш, по пространству был не длиннее самсоновского от Ломжи к Танненбергу. Германцы шли к решительному пункту своего театра, а мы, сделав такой же прыжок как германцы, очутились на дне своей широкой канавы. Каких трудов, каких потерь стоило нам выбраться из польского мешка на наш естественный фронт 1915 г. Мы повторили ту же ошибку, какую сделали в 1812 г.»⁹.

Обширный театр военных действий требует соответствующего размаха операций, широты маневрирования, учета географических особенностей местности – причем эти особенности приобретают стратегический характер. Сама территория перестает быть объектом оперативно-стратегического воздействия – потеря пространства теряет решающее значение. Так, утраченные русской армией в 1915 г. территории, будь это в Европе, несомненно привели бы к капитуляции европейского государства. На Русском же фронте продвижение противника на 300 км фактически ничего не значило.

Обширность фронта позволяет относить стратегическое развертывание в глубину страны и начинать боевые операции лишь тогда, когда будут выявлены оперативно-стратегические намерения противника. Это позволяет осуществлять такие перегруппировки войск, которые очень рискованны для малого театра военных действий.

---

⁹ Борисов В. Стратегия обширных театров // Война и мир. – 1924. – № 16. С. И.

Он позволяет при обороне удерживать только магистральные операционные направления, допускать продвижение неприятеля вглубь страны вплоть до истощения им своей наступательной мощи, применять тактику «выжженной земли».

Противнику, даже после победы в сражении, бывает трудно добиться решительного стратегического результата: глубина театра военных действий позволяет побежденному избежать многих кризисных моментов. Прорывы, обходы, охваты имеют лишь локальное значение.

Кроме того, огромные расстояния придают исключительное значение применению подвижных войск.

Стратегическое искусство русской армии в Первую мировую войну осуществлялось посредством деятельности Штаба Верховного главнокомандующего (Ставки).

В кампании 1914 г. внимание русского военного руководства было приковано к двум ТВД – восточно-прусскому и галицийскому. Соответственно, проводились две изолированные фронтовые операции – первая в интересах союзников (Франции), вторая – в российских интересах.

Восточно-Прусская операция 4 августа – 1 сентября 1914 г. имела важнейшие стратегические последствия. Для русских войск стратегической целью операции было воздействие на Французский фронт – т. е. срыв германского стратегического планирования.

В ходе этой операции противники не решили своих оперативно-стратегических задач: русские не смогли занять Восточную Пруссию, немцам не удалось выиграть время, необходимое для завершения кампании во Франции. Но в стратегическом аспекте произошло то, чего стремился избежать А. фон Шлиффен: германцы ослабили ударную группу своих армий на Французском фронте ради интересов второстепенного для них на тот момент ТВД. Ослабив свою ударную группировку на Французском фронте, немцы провалили свое стратегическое планирование и утратили перспективу победы в войне.

Благодаря действиям 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта Гвардейский резервный (из состава 2-й армии), 11-й армейский (из состава 3-й армии) корпуса с 8-й кавалерийской дивизией были переброшены в Восточную Пруссию. 5-й армейский корпус также был оттянут с Французского фронта и также готовился к переброске, и, хотя в Восточную Пруссию не попал, но не принял участия и в решающих схватках во Франции.

Немцам не хватило этих соединений для победы на Марне.

Профессор комдив В. А. Меликов писал: «В августе – сентябре 1914 г. Франция оказалась в тяжелом положении... и если бы не бешеное огульное наступление в Восточную Пруссию царской армии, которая спешила этим ударом отвлечь германские силы на восточный (русский) фронт..., то положение на Марне для французов было бы еще более серьезным... Мольтке-младший приказал снять с главного направления (правый фланг германских армий, двигавшихся к Парижу) два корпуса и перебросить их на восточный фронт. Эта слабость в стратегической целеустремленности имела свои тяжелые последствия для германских армий, так как этих корпусов, столь нужных в сражении на Марне, – там уже не оказалось...»¹⁰.

Ю. Н. Данилов объяснил причины снятия соединений именно с ударного фланга германской армии: «Развертывавшиеся у немцев на востоке события не позволяли медлить, и потому к перевозке были предназначены такие части, которые скорее других могли быть посажены на железную дорогу и прибыть к месту нового назначения. В соответствии с таким заданием, были сняты с правого обходившего французов фланга два корпуса (Гвардейский резервный и XI-й) и одна кавалерийская дивизия (8-я)... Принятое германским главнокомандованием решение о переброске части сил на восточный фронт явилось, конечно, для дальнейшего хода событий на западе фактором огромного значения. Кроме численного и притом значительного ослабления

---

¹⁰ Меликов В. А. Стратегическое развертывание по опыту Первой империалистической войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны в СССР. Т. 1. – М.: Воениздат, 1939. С. 112.

уже занесенного удара, это решение, несомненно, отказало еще свое подтачивающее влияние на духовное равновесие германских вождей, их веру в предстоящее дело, а значит, и волю к победе...»¹¹.

Полковник Ф. Храмов писал: «Такое ослабление ударной группировки правого крыла германских армий бесспорно было одной из причин неудачного для германских войск исхода сражения на Марне в сентябре 1914 года... Таким образом, русские, вынудив германское командование перебросить часть сил с французского фронта на восток, оказали Франции серьезную помощь, сыгравшую в дальнейшем ходе войны крупную стратегическую роль»¹².

Немецкий военный историк О. фон Мозер считал, что обстановка, сложившаяся в Восточной Пруссии, «послужила причиной особенно неудачного и рокового мероприятия, а именно – посылки двух армейских корпусов с правого фланга немецкой армии...»¹³.

Н. Н. Головин считал, что переброска германских корпусов с Французского фронта на Русский в этот период «представляла собой самую грубую стратегическую ошибку, совершенную во время Великой войны какой-либо воюющей стороной»¹⁴.

---

¹¹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. – Берлин: «Слово», 1924. С. 180.

¹² Храмов Ф. А. Восточно-прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк – М.: Воениздат, 1940. С. 20.

¹³ Мозер О. фон. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов. – М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 32.

¹⁴ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. План войны. – Париж: Изд. – е Главного правления Союза русских военных инвалидов, 1936. С. 253.

Первый Верховный главнокомандующий русской армией в годы Первой мировой войны великий князь Николай Николаевич-младший. Взято из: Великая борьба народов. М., 1915.

Вторым важнейшим стратегическим последствием этой операции стал беспрепятственный выигрыш русскими войсками Галицийской битвы с разгромом главных сил австро-венгерской армии. Командование германской 8-й армии не смогло использовать успешную операцию против 2-й русской армии и довести ее до решительного стратегического успеха на Восточноевропейском ТВД. Оно, несмотря на просьбы австро-венгерского главного командования,

повернуло свои войска на северо-восток – против 1-й русской армии, предоставив русским свободу действий в Галиции.

Русскому Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу хватило стратегической дальновидности: с помощью свежей 9-й армии он переломил оперативно-стратегическую ситуацию в северной Галиции в пользу русского оружия, а затем вернул под русский контроль и часть Восточной Пруссии.

Стабилизация Французского фронта и необходимость спасения своего австрийского союзника явились предпосылкой переноса центра тяжести боевых операций армий держав германского блока на Восток. Прослеживается тенденция усиления германских войск Русского фронта с оформлением их в самостоятельное командование.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в Восточно-прусской операции являлись: 1) ускоренная мобилизация, сосредоточение и развертывание 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта главной задачей ставили помощь союзнику и захватить стратегической инициативы; 2) формой стратегического маневра являлся стратегический охват противника (целью русских было окружить и уничтожить войска 8-й армии).

Планируя операции против Австро-Венгрии, Ставка предполагала концентрическое наступление двух групп армий Юго-Западного фронта (правый фланг – 4-я и 5-я армии, левый фланг – 3-я и 8-я армии) в операции на окружение. Армии Юго-Западного фронта фронтальным движением по сходящимся направлениям должны были выйти на фланги противника, смять их, отрезав главные силы австрийцев от рек Сан и Днестр. Но противник, изменил свой план 1912 г. и отнес развертывание армий на 100 км к западу, вследствие чего теперь австрийские войска охватывали русских на северном фланге. И своим первоначальным успешным действиям на этом фланге сражения австрийцы были обязаны более раннему занятию рубежей и развертыванию, а также общему превосходству сил и средств над русскими армиями правого фланга Юго-Западного фронта.

В Галицийской битве 5 августа – 13 сентября 1914 г. исход операции определили умелое оперирование стратегическими резервами и своевременность подхода подкреплений. Устроить «котел» для австро-венгерской армии в Галицийской битве не удалось вследствие изменившегося стратегического развертывания австрийских армий. Русское Верховное командование смогло в должной степени распорядиться резервами, сформировав 9-ю армию и введя ее в бой на северном фланге битвы. Сосредотачивая 9-ю армию в районе Варшавы в роли резерва, русское верховное главнокомандование совершило железнодорожный маневр, усилив правый фланг 4-й армии в районе Люблина, что позволило преодолеть негативную обстановку на северном фланге Галицийской битвы.

Стратегической целью операции являлся разгром и уничтожение ядра австро-венгерской армии, что позволяло вывести из войны одну из ключевых держав германского блока. В первой части цель удалось реализовать, но вторую часть в силу объективных причин – нет. Цель данной стратегической операции соответствовала исконно русским интересам, но содействовала союзникам – прежде всего сербам.

Стратегический результат этой операции огромен. Была обескровлена австро-венгерская армия, начавшая терять боеспособность и требовавшая все возрастающей поддержки со стороны германских войск. Вырос удельный вес германских войск на Русском фронте. Кампания 1914 г. заканчивалась в пользу Антанты – операция изменила обстановку не только на юго-западном стратегическом направлении, но и на всем Русском фронте.

Странами германского блока была потеряна важная в стратегическом и экономическом (нефтяные ресурсы) аспектах территория – Галиция. Русские войска вышли к Карпатам и стояли у границ Венгрии и Чехии.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в данной операции являлись: 1) эффективное использование стратегического резерва (его роль выполнили подхо-

дящие войска 2-го эшелона), структурированного в форме 9-й армии; 2) эффективный железнодорожный маневр Верховного главнокомандования.

Стратегически именно Галицийская битва, как центральное сражение кампании, способствовала выигрышу Антантой и кампании 1914 г. а значит, и всей войны.

Первая Августовская операция 12–30 сентября 1914 г. повлияла на стратегическую обстановку на Русском фронте: германцы не смогли перебросить из Восточной Пруссии войска в Польшу, где осуществлялась успешная для России Варшавско-Ивангородская стратегическая операция. Более того, из Германии были оттянуты 2 дивизии – 49-я резервная и 50-я резервная (25-й резервный корпус), не попавшие на Французский фронт, что имело немаловажное значение в период развернувшихся боев на Изере. Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего германским Восточным фронтом М. Гофман писал: «Верховное командование придало этой армии (8-й германской. – *А.О.*) один из вновь сформированных корпусов, именно 25-й, хорошо себя показавший в бою»¹⁵.

Первая Августовская операция – яркий пример того, как в условиях коалиционной войны оперативно-тактический успех может быть преобразован в стратегический. Операция сказалась на стабилизации Французского фронта – это имело крайне неблагоприятные последствия для германской стратегии, вновь не сумевшей достичь решительного результата.

В период проведения Варшавско-Ивангородской стратегической операции 15 сентября – 26 октября 1914 г. план русского Верховного командования заключался в переносе центра тяжести действий русских армий на левый берег р. Вислы – планировался удар на Силезию с последующим наступлением к верхнему Одеру и далее на Берлин. Верховный главнокомандующий русскими армиями великий князь Николай Николаевич осуществил (пользуясь польской сетью железных дорог) блестящий железнодорожный маневр, сравнимый лишь с германскими перевозками в рамках шлиффеновского плана.

Три русских армии (4-я, 5-я и 9-я) перебрасывались в район Ивангород – Сандомир и перед ними ставилась активная задача. Предусматривался фронтальный удар (от Ивангорода) и фланговый охват (от Варшавы). Для решения последней задачи назначалась 2-я армия. В Галиции оставались лишь две армии (3-я и 8-я). Перед ними, также и как перед 1-й и 10-й армиями Северо-Западного фронта ставилась задача обеспечения операции.

Варшавско-Ивангородская операция («борьба за Вислу») – одна из крупнейших стратегических операций (по своему смыслу, количеству задействованных войск, осуществленному стратегическому маневру) маневренного периода войны. По форме – это встречное сражение (одна из наиболее сложных форм проведения боевых действий). В операции на 300-км фронте были задействованы главные силы австрийских и германских войск, сосредоточенных на Восточно-европейском ТВД и примерно половина всех русских сил, действовавших против Австро-Венгрии и Германии.

Операция осуществлялась в собственно русских интересах и по своей сути представляла собой ответ активными действиями на германскую реакцию относительно итогов Галицийской битвы. После перегруппировки и в тесной взаимосвязи с австрийским союзником германцы попытались вырвать стратегическую инициативу из русских рук, но это им не удалось.

Варшавско-Ивангородская операция – одна из наиболее удачных стратегических операций русской армии в мировую войну.

Ю. Н. Данилов писал: «Мы одержали над нашими противниками несомненно очень крупную стратегическую победу... Стратегия сделала свое дело столь ярко, что немцы не осмелились принять решительного боя»¹⁶.

---

¹⁵ Гофман М. Война упущенных возможностей. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925. С. 55.

¹⁶ Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 222.

Стратегическим результатом операции стал срыв планов германо-австрийского командования сгладить последствия Галицийской битвы, не удалось ему пока и сорвать готовящееся русское наступление в Силезию. Операция знаменовала начало «метания» стратегической мысли германцев между Восточным и Западным фронтами.

Необходимо отметить отличную организаторскую работу Ставки и Верховного главнокомандующего Николая Николаевича. Также это касалось координации деятельности двух фронтов.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в этой операции являлись: 1) сочетание двух способов стратегических наступательных действий – стратегического прорыва и стратегического охвата; 2) применение Верховным главнокомандованием эффективного железнодорожного маневра.

При разработке плана новой крупномасштабной операции – Лодзинской 29 октября – 6 декабря – русское командование учитывало крупное поражение германской 9-й армии в Варшавско-Ивангородской операции и выгодную стратегическую диспозицию русских войск в Польше. Планировалось крупными силами вторгнуться в Силезию с последующим ударом на Берлин. Учитывая подход к концу материально-технических ресурсов мирного времени, фактически это была попытка завершить войну до конца 1914 г.

Но русские армии австро-германского фронта, вытянувшись в линию на протяженном фронте, не имели необходимых резервов как для развития успеха, так и для парирования ударов противника. А. Нокс писал: «Операция принимала характер эксцентрического наступления и вызвала контрудар со стороны противника, имевшего все преимущества лучших сообщений.... Как и во время Августовского наступления в Восточной Пруссии, планы великого князя были продиктованы желанием помочь союзникам на западе...»¹⁷.

Пытаясь вырвать инициативу из рук русских войск, германское командование организовало удар в правый фланг наступающих русских армий, что привело к срыву планирования Ставки.

Если Восточно-Прусская операция является ярким примером тактической победы и стратегического поражения для немцев, то с Лодзинской операцией дело обстоит наоборот. Тактически это русская победа (русские войска устроили «котел» для 2,5 германских корпусов и почти их уничтожили (в вышедших из окружения полках оставалось по 500 бойцов), но в стратегическом аспекте это неудача – были сорваны крупномасштабные планы русской Ставки и фактически погашена русская оперативно-стратегическая активность на польском ТВД.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в этой операции являлись: 1) удалось осуществить стратегическое окружение крупной группировки германских войск (но эффективные приемы и способы обеспечения ликвидации окруженного противника пока не выработаны); 2) применена такая форма стратегического маневра как стратегическая фланговая атака (войсками 5-й и частично 1-й армий).

Стратегический результат операций в Польше не оправдал надежд обеих сторон – русские не смогли осуществить вторжение в Германию, австро-германцы прорваться к Варшаве. Вместе с тем стабилизация этого фронта объективно была выгодна русской стороне, истощение же противников привело к поискам новых оперативных решений.

Период конца ноября – декабрь 1914 г. характеризовался стабилизацией борьбы. В течение декабря немцы сделали несколько попыток прорваться к Варшаве; это привело к кровопролитным боям на Бзуре и Равке: у Болимова, Боржимова, Воли Шидловской. Прорыв к средней Висле противнику не удался – русские армии удержали свои позиции.

---

¹⁷ Нокс А. Второе наступление Гинденбурга в Польше // Военный зарубежник. – 1922. – № 8–9. С. 419.

В ходе Сарыкамышской операции 9 декабря 1914— 4 января 1915 г. была разгромлена одна из 3-х турецких армий, бывших у Османской империи к началу войны – т. е. выведена из строя треть ее вооруженных сил.

Маршал Турции, германский уполномоченный при турецком Верховном командовании О. Лиман фон Сандерс писал: «... операция... закончилась уничтожением этой армии (3-й. – Л.О.), которая из турецких оперативных соединений первой вступила в мировую войну»¹⁸.

Крах турецкого «блицкрига» привел к перелому и захвату стратегической инициативы на Кавказском ТВД уже с начала 1915 г. И эту инициативу Россия удерживала в течение всей войны.

Итоги кампании 1914 г. имеют важнейшее значение для коалиционной войны Антанты. Действия русских войск разрушили стратегическое планирование германского блока, полностью нивелировав немецкие успехи, достигнутые на Западе. Германцы были вынуждены уделять все большее внимание Русскому фронту в ущерб главному для себя – Французскому. Инициатива принадлежала русским войскам. Противник принужден был лишь реагировать (прежде всего, структурными реорганизациями и перебросками войск, что и срывало проводимые им операции) на русские выпады. Территориальный аспект стратегической обстановки также благоприятствовал русским: к концу года была захвачена большая часть Восточной Пруссии (до Мазурских озер) и Галиция с потерей левобережной (применительно к р. Висла) Польши. То есть, глубина «Польского выступа» уменьшилась, что имело положительное значение для планирования будущих операций.

Из четырех крупнейших стратегических операций 1914 г. (Восточно-Прусская, Галицийская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская) половина выполнялась в интересах союзников: Восточно-Прусская («спасение Франции») и Лодзинская («вторжение в сердце Германии»), но и остальные во многом способствовали облегчению положения союзников. И это притом, что передовые русские генералы справедливо считали, что «путь к Берлину лежит через Вену».

Знаковым является мнение генерала Э. Фалькенгайна, засвидетельствовавшего тот факт, что германское командование не предвидело необходимости крупных перебросок на Русский фронт, что также явилось чрезвычайно негативным фактором стратегического характера: «Растущая в перспективе необходимость поддержать союзников, попавших в тяжелое положение в Галиции, не могла поколебать этого решения (т. е. непереброски немецких войск из Франции в Россию. – Л.О.). Полагали, что, даже в неблагоприятном случае, новые войсковые части, формируемые в тылу, окажутся достаточными, чтобы поддержать положение на восточном фронте, пока суровая зима не прекратит там операций»¹⁹. Очевидно, что германское командование не планировало перебросок, и до последнего противилось их осуществлению. По свидетельству Э. Фалькенгайна, ему пришлось отказаться от весьма перспективного плана прорвать Французский фронт в Артуа и Пикардии, но эту мысль он отбросил, т. к.: «Для ее осуществления не хватало сил после того, как все резервы как живой силы, так и снарядов, были потрачены для восточного фронта»²⁰.

Восточно-Прусская операция способствовала краху шлиффеновского стратегического планирования и поражению Германии в Марнской битве. Галицийская битва разрушила австрийский стратегический план и способствовала стабилизации Сербского фронта.

После завершения этих сражений ясно было, что германский блок в перспективе войну проиграл.

---

¹⁸ Цит. по: Арутюнян А. О. Кавказский фронт 1914–1917. – Ереван: «Айастан», 1971. С. 148.

¹⁹ Фалькенгайн Э., фон. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. – М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 25.

²⁰ Там же. С. 41.

Осенние операции русской армии в Восточной Пруссии и Польше (Первая Августовская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская) стали важнейшей предпосылкой проигрыша Германией сражения за Фландрию, способствовали окончательной стабилизации Французского фронта и изменению стратегического планирования противника – на целый год Русский фронт стал для него ключевым.

Стратегически германский блок к концу 1914 г. проиграл – и, прежде всего, благодаря усилиям русской армии.

В кампании 1915 г. русское Верховное командование также планировало широкомащштабные активные действия. Замышлялись две крупные наступательные операции: в Восточной Пруссии (силами Северо-Западного фронта) и в Карпатах (силами Юго-Западного фронта). Однако данный замысел нельзя признать удачным.

Во-первых, наступления проводились на флангах стратегического построения, да еще и по расходящимся направлениям.

Во-вторых, если для 1914 г. подобное оперативное решение (одновременные удары по Германии и Австро-Венгрии) было оправдано как общими интересами блока (кризис на Французском фронте, так и необходимостью вывести из строя Австро-Венгрию), то в 1915 г. это было неразумно. В любом случае, переход к обороне на германском участке фронта диктовался необходимостью.

Столь рискованное оперативно-стратегическое творчество было обусловлено следующими обстоятельствами. С одной стороны, способностью Ставки Верховного главнокомандующего координировать и направлять действия фронтов. С другой стороны, – чрезвычайно широкими оперативными полномочиями самих руководителей фронтов.

К скорейшему окончанию войны могли привести: а) вывод из строя Австро-Венгрии (сосредоточив максимум усилий на Юго-Западном фронте) с выходом к Германской империи с юга, либо б) разгром Турции путем согласованных действий русской и союзной армий в рамках десантной операции с захватом Стамбула (Константинополя). Все условия для этого – силы, средства, господство на Черном море, понимание и взаимодействие союзников – имелись. Россия в 1914 г. выполнила важнейшие союзнические обязательства, вытекающие из Франко-Русской военной конвенции, и вполне могла теперь заняться реализацией собственного стратегического планирования.

В-третьих, наметился «кризис снабжения» действующей армии. Он будет преодолен лишь осенью (Германия критическую точку прошла уже к весне) 1915 г. Соответственно, распыление сил и средств на несколько наступательных операций привести к успеху не могло. Противник именвал русское планирование «Гигантским русским наступательным планом».

Январь 1915 г. ознаменовался кровавыми позиционными боями на польском участке Русского фронта – у Боржимова и Воли Шидловской. Эти бои – классический пример отвлечения и изматывания сил противника (в данном случае – русской армии).

Германское командование демонстративным наступлением не только спровоцировало командование Северо-Западного фронта на проведение операции с целью восстановления утраченных позиций – этим отвлекалось внимание от готовящейся крупной наступательной операции в Восточной Пруссии.

Стремясь парализовать русское наступление в ходе зимней кампании 1915 г. противник также осуществил удары по флангам Русского фронта – т. н. «Зимние стратегические Канны».

В Восточной Пруссии в ходе Второй Августовской операции (Зимнего сражения в Мазурии) 25 января—13 февраля было нанесено поражение 10-й армии Северо-Западного фронта. Главной задачей этой армии, как писал ее начальник штаба А. П. Будберг, было удержание стратегического положения. Выполнить стратегическую задачу не удалось, но эта одна из самых неудачных с тактической точки зрения русских операций является одной из важнейших для решения общесоюзных задач.

Германцы, рассчитывая добиться серьезного стратегического результата, тщательно готовились к операции – в очередной раз ослабив Французский фронт и задействовав обученный резерв внутри Германии: на Русском фронте нашли применение 6 дивизий т. и. молодых корпусов (38-го, 39-го и 40-го резервных), а также 2 дивизии отлично себя зарекомендовавшего 21-го армейского корпуса, переброшенного с Французского фронта.

Стратегический результат операции заключался в срыве широкого наступательного замысла неприятеля на северном участке Восточного фронта.

Вторая Праснышская операция 7 февраля – 17 марта 1915 г. осуществлялась для стабилизации стратегической обстановки на северо-западном направлении. Во многом были устранены последствия тактически неудачного Второго Августовского сражения: успехи германцев над 10-й армией сменились их поражением от 12-й и 1-й армий Северо-Западного фронта. Вторая Августовская операция и Второе Праснышское сражение ликвидировали северную «клевню» «Зимних стратегических Канн» противника.

На южном фланге Русского фронта Карпатская операция (январь – апрель 1915 г.) также имела важнейшее оперативно-стратегическое значение. Русские войска вышли на Венгерскую равнину, что поставило германский блок на грань поражения. Вместе с тем действия германских войск парировали могущие быть еще большими успехи русских войска, не позволили оперативным успехам превратиться в стратегические.

Основными особенностями стратегического искусства русской армии в ходе операций в рамках зимне-весенней кампании являлось сочетание различных форм стратегических действий – это стратегический прорыв (для Карпатской операции), стратегическая оборона (для Второй Августовской операции) и сочетание стратегического наступления и стратегической фланговой атаки (Второе Праснышское сражение).

В ходе Горлицкой стратегической наступательной операции австро-германских войска 19 апреля – 10 июня 1915 г. русские войска за 2 месяца оставили Галицию, потеряли систему крепостей, понесли огромный урон в силах и средствах. Стремясь добиться стратегически ненужной цели («удержания завоеванного пространства») командование Юго-Западного фронта приносило в жертву свои лучшие войска – более того, переброской корпусов и дивизий в Галицию подрывался и потенциал Северо-Западного фронта.

Несмотря на то, что обстановка на русском Северо-Западном фронте была прочной, после Горлицкого прорыва противника необходимым являлось общее отступление, вывод войска из «польского мешка».

С целью пленить русские войска в Польше противник начал реализацию т. и. «Летних стратегических Канн».

Армия М.-К.-В. фон Гальвица должна была наступать с севера через р. Нарев в направлении на Седлец – навстречу армиям А. фон Макензена, которые двигались с юга на север между р. Висла и р. Западный Буг. Этот грандиозный маневр должен был привести к окружению нескольких русских армий.

В ходе Третьего Праснышского сражения 30 июня – 5 июля 1915 г. войсками 1-й и 12-й армий Северо-Западного фронта стратегический план германцев был сорван, русские войска планомерно отошли на рубеж р. Нарев. Столкнувшись с мощной обороной по Нареву, группа фон Гальвица остановила наступление. Оперативно летнее Праснышское сражение – успех немцев, но стратегически оно способствовало русскому замыслу – грамотно эвакуировать Польшу. Тем самым русские войска консолидировали фронт на новых рубежах. Соответственно, стратегический успех остался на стороне русских – они удержались на линии р. Нарев.

Третье Праснышское сражение пресекло развитие северной составляющей «Летних стратегических Канн» противника.

Наступление группировки А. фон Макензена из северо-восточной Галиции также натолкнулось на упорное сопротивление. 22 июня началось русское контрнаступление на люблинском направлении.

Южная «клешня» «Летних стратегических Канн» также была остановлена.

Замысел австро-германцев устроить стратегический «котел» для русских войск в Польше провалился. О. фон Мозер отмечал: «...крупная операция Макензена – Гальвица, рассчитанная на окружение, постепенно превратилась в фронтальное наступление с запада на восток против русских армий, медленно отступавших на линию Ковно – Брест-Литовск – Владимир-Волынский, с одной позиции на другую, и сохранивших сомкнутость фронта»²¹.

В ходе летней кампании 1915 г. русские войска перешли к стратегической обороне.

После вывода русских войск из Польши началась борьба за оптимальное начертание фронта, выгодные позиции и плацдармы.

В ходе сентябрьской Луцкой операции войск Юго-Западного фронта потерпела поражение 4-я австрийская армия. Луцкая операция не позволила противнику осуществить маневр флангового охвата отходящей центральной группы русских армий. Противник переходит к обороне.

Несмотря на отдельные успешные и даже наступательные операции русских войск весны – осени 1915 г. на юго-западном направлении (удачные контрнаступления в рамках Горлицкой операции, Прутская, Луцкая операции, наступление на Серете и др.) стратегической инициативой прочно завладели австрийцы и германцы.

Русское командование, сосредоточив главное внимание на польско-карпатском участке фронта, недооценило прибалтийское стратегическое направление. Силы и средства на данном ТВД были представлены в основном разрозненными частями слабого состава.

Риго-Шавельский район, через который был возможен обход Русского фронта с севера, приобретал огромную значимость. Русское Верховное командование могло противопоставить широкомасштабным наступательным замыслам противника в Прибалтике прочную оборону с элементами активности.

Операции в Прибалтике летом – осенью 1915 г. (Митаво-Шавельская, Ковенская, Виленская) в стратегическом плане были безрезультатны для германского командования. Суть боевых действий в Прибалтике опять свелась к фронтальному вытеснению русских войск, врагу не удалось осуществить оперативные охваты и обходы в стиле «Канн».

Операции в Прибалтике способствовали стабилизации Русского фронта, а значит, и тому, что замысел противника на вывод России из войны не удался.

Все операции на Кавказе в 1915 г. проходили под знаком активности со стороны русских, в том числе – с целью удерживать в постоянном напряжении 3-ю турецкую армию, и не только не допускать ее ослабления, но и отвлекать на себя новые силы противника из района проливов Босфор и Дарданеллы.

Кампания 1915 г. на Кавказе была замечательна попыткой турецких войск в очередной раз захватить стратегическую инициативу (Алашкертская операция), взаимодействуя с австро-германскими союзниками. Но русские войска прочно удерживали стратегическую инициативу.

Подводя итог стратегической деятельности русской армии в кампании 1915 г. необходимо отметить следующее.

Год начался с активных наступательных операций русских войск (Ласдененская операция 10-й армии, Вторая Праснышская операция 12-й армии, Карпатская операция Юго-Западного фронта), что уже в значительной мере повлияло на германо-австрийское планирование и баланс сил. Помимо положительных факторов стратегического характера присутствовали

---

²¹ Мозер О. фон. Указ. соч. С. 68.

и отрицательные, главные среди которых – распыление сил по расходящимся направлениям, людские и материальные потери, затраты, а не накопление столь необходимых ресурсов.

Весенне-летние операции германцев и австрийцев (Горлицкий прорыв, Третье Праснышское сражение, операции в Прибалтике, на Буге и в Галиции) привели к утрате русской армией стратегической инициативы на германо-австрийском фронте. Теперь уже русские войска были вынуждены отбиваться, отвечая на его оперативные решения противника. В период с мая по сентябрь были утрачены важнейшие в стратегическом отношении территории и ресурсы, понесены наиболее тяжелые потери в живой силе и вооружении. Главным в данной ситуации становится вывод войск и эвакуация материальных ценностей из-под ударов противника с наименьшими издержками. Апогеем этой тактики стала грамотная и своевременная эвакуация Польши. Другой главной задачей стала консолидация фронта на новых позициях, борьба за оптимальное начертание линии фронта в расчете на будущие операции.

Исключением являлся Кавказский фронт, стратегическая инициатива на котором удерживалась в течение всей войны, а войска Кавказской армии не только обходились собственными силами, но и выделяли формирования для австро-германского фронта.

Стратегия германо-австрийского командования характеризовалась тремя важнейшими аспектами.

Во-первых, желанием вывести русскую армию из строя, а Россию – из войны. Этому были подчинены все материальные ресурсы противника, и проводилась целая серия активных операций с решительными целями. Во-вторых, для германо-австрийского командования шаблоном для действий на Русском фронте являлась «стратегия котлов». Постоянное желание осуществить большие и малые «Канны» – стратегические операции на окружение – пронизывало почти все их оперативно-стратегическое планирование 1915 г. Пожалуй, только таранный удар А. фон Макензена под Горлице и некоторые операции второстепенного характера осуществлялись не в этом стиле. Обращают на себя внимание «Зимние стратегические Канны» (операции в Восточной Пруссии и Карпатах) против флангов Русского фронта и «Летние стратегические Канны» (на севере – удар армейской группы М.-К.-В. Гальвица и 8-й армии через Неман, на юге – группы А. Макензена из 11-й и Бугской германских и 4-й австро-венгерской армий на Владимир-Волынский) – под основание польского выступа с целью уничтожения находящихся там русских войск.

Зимние «Канны» были сорваны активными действиями русских войск (Вторая Праснышская операция, Карпатская операция), летние – во многом пассивными действиями с элементами активности (Третья Праснышская операция, Томашевское и Красникское сражения). Практически все подобные операции (за исключением гибели 20-го армейского корпуса в Августовских лесах) закончились для противника безрезультатно. Русское командование научилось реагировать на такие действия врага, ожидая от немцев осуществления «Канн». «Котлов» – стратегических окружений – Русский фронт 1915 г. не знал.

В-третьих, на германском Восточном фронте летом – осенью 1915 г. одновременно реализовывались две оперативных схемы – Верховного командования и командования Восточного фронта. Ревность и конкуренция между Э. Фалькенгайном и П. Гинденбургом сказались на глубине проводимых операций, направлениях главного удара, перебросках войск. Особенно это проявилось в период осуществления «Летних стратегических Канн» и Виленской операции.

В итоге Э. Фалькенгайн отмечал: «Уничтожение врага в целом, конечно, достигнуто не было»²². Э. Людендорф констатировал: «Летняя кампания против России была закончена. Рус-

²² Фалькенгайн Э. фон. Указ. соч. С. 142.

ские были... фронтально оттеснены... За всю войну... нам ни разу не удалось довести до конца крупный стратегический прорыв»²³.

Стратегическое искусство русской армии в условиях сосредоточения стратегической инициативы в руках противника, обладающего значительным превосходством в силах и средствах, в период летней кампании 1915 г. проявилось в борьбе со стратегическим наступлением австро-германцев, планомерном отходе и борьбе с попытками окружения.

Русскую армию ждала смена Верховного главнокомандующего – им стал Император. С момента появления Николая II в Ставке происходит изменение стратегии русской армии. Наиболее заметным было то, что вместо нанесения ударов в расходящихся направлениях осуществлялась реализация единого стратегического плана. Ставка начала именно управлять действиями фронтов. Координация действий фронтов, сосредоточение максимальных сил на направлении главного удара, энергичное маневрирование – вот суть оперативных указаний нового Верховного Главнокомандующего. Практическое решение задачи осуществлялось Начальником штаба и главнокомандующими армиями фронтов.

Русские стратегические планы кампании 1916 г. во многом обуславливались общесоюзным планом, выработанным в конце 1915 г. на конференции в Шантильи. Впервые имело место применение Антантой основ стратегии коалиционной войны, а главное – проведение соответствующих принципов в жизнь. Конференция признала необходимым начать подготовку к согласованному наступлению в 1916 г. всех союзных армий на трех главных театрах военных действий – французском, русском и итальянском.

Важное значение имело совещание в Ставке 11 февраля 1916 г. На Совещании был принят принципиальный план нанесения главного удара в летней кампании 1916 г. – левым флангом Северного и правым флангом Западного фронтов.

Общие сроки согласованного наступления на Французском и Русском фронтах планировались на конец весны – начало лета, но зимнее германское наступление под Верденом внесло в эти замыслы значительные коррективы – русской армии опять пришлось спасать своего союзника.

Реализация принципов коалиционной войны привела к преждевременному переходу в наступление войск Северного и Западного фронтов.

В основе замысла русского командования лежала идея стратегического прорыва с целью выйти на Вильно, овладеть Ковно, отрезав германские войска у Риги и Двинска, и продвигнуться к границе Восточной Пруссии. В случае успеха русские войска отвоевывали у германцев одним ударом сразу почти половину потерянной в 1915 г. территории. Но выполнение замысла упиралось в непреодолимые пока трудности – эшелонированную оборону противника, разрушенные пути сообщения и, главное, великолепные коммуникации немцев. Овладев стратегической сетью прибалтийских железных дорог, они могли беспрепятственно перебрасывать резервы в любых количествах.

Главное значение Нарочской операции 5—17 марта 1916 г. для Русского фронта заключалось в том, что сосредоточение резервов противника в полосе русской активности способствовало успеху летней операции Юго-Западного фронта. Основные резервы германского Восточного фронта с марта по июнь были сосредоточены как раз севернее линии припятских болот, т. е. против войск Северного и Западного фронтов.

Нанесение главного удара в ходе летней кампании 1916 г. на Русском фронте возлагалось на войска Западного фронта в направлении на Вильно, а Северный и Юго-Западный фронты должны были наступать с целью оттянуть на себя резервы противника. Фактически был утвержден план общего наступления трех фронтов – такая ситуация позволяла реализовать свободу маневра в вопросе переноса тяжести главного удара.

---

²³ Людендорф Э. фон. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М. – Мн.: Аст-Харвест, 2005. С. 169.

Направление главного удара Юго-Западного фронта в направлении на Луцк приводило к наиболее болезненным для австрийцев результатам, но в распоряжении А. А. Брусилова не было достаточного количества войск, чтобы использовать неожиданно крупный успех в стратегическом аспекте. Кроме того, генерал считал важнейшим Ковельское направление, в связи с чем затормозил наступление у Луцка.

Наступление на Ковель, по мысли А. А. Брусилова, отвечало не столько интересам фронта, сколько стратегическим целям всей кампании 1916 г. Оно должно было объединить усилия Юго-Западного (8-я армия) и Западного (3-я армия) фронтов и привести к разгрому значительных сил противника на стратегически важном боевом участке. Но этому замыслу не суждено было сбыться по вине главнокомандующего армиями Западного фронта генерала от инфантерии А. Е. Эверта. А. Е. Эверт (при бездействии Ставки) не только не начал в указанный ему срок (28–29 мая) наступления, но и откладывал его четыре раза (до 20 июня), после чего вместо главного удара на Виленском направлении нанес удар на Барановичи.

Пользуясь этим обстоятельством, германское командование подтянуло в полосу Брусиловского наступления до 20 дивизий из Франции и Македонии, а также с других участков Русского фронта. Противник желал создать в районе Ковеля ударную группу и вырвать инициативу из рук русских. Австрийцы, в свою очередь, приступили к переброске войск, отправленных на Итальянский фронт для участия в операции в Трентино.

Директива Ставки от 26 июня изменила задачи фронтам, вменив нанесение главного удара в обязанность Юго-Западного фронта. Для последнего указывалось новое направление – Ковельское с перспективой наступления далее на Брест – Пружаны. В распоряжение А. А. Брусилова был передан стратегический резерв – Гвардейский отряд и 4-й Сибирский армейский корпус, а с Северного фронта – 3-й армейский корпус. Но было поздно. Противник, прежде всего германцы, постепенно локализовал прорыв.

При отсутствии активности Западного и Северного фронтов, немцы получили полную возможность перебрасывать войска против Юго-Западного фронта: «Германцы, обладая несравненно более мощными железными дорогами, сумели гораздо скорее нас подвезти свои корпуса к угрожаемым пунктам на нашем Юго-Западном фронте и к концу июля захватили инициативу в свои руки; уже нам пришлось, не думая о нанесении сильного удара противнику, парировать его удары, которые он начал наносить в различных местах. Войска Юго-Западного фронта, начав наступление с громадным успехом и не поддержанные своевременно, что называется, выдохлись, потеряли порыв впереди постепенно стали окапываться и переходить к занятию новых укрепленных позиций»²⁴.

Результаты операции намного превзошли ставившиеся перед ней цель и задачи. Наступление Юго-Западного фронта 1916 г. привело к крупному поражению австро-венгерских и германских войск в Галиции и Буковине, заставило австро-германское командование приостановить наступление в Трентино и облегчило обстановку для англо-французов под Верденом.

В стратегическом плане операция знаменовала переход стратегической инициативы к странам Антанты.

К концу кампании 1916 г. русская Кавказская армия стоящую перед ней задачу выполнила и перевыполнила. Закавказье не только было обеспечено от вторжения турок на фронте огромного протяжения (к концу 1916 г. 2,6 тыс. км), но были решены активные стратегические задачи. Наиболее ярко принципы русского военного искусства воплотились именно в действиях Кавказской армии.

Взятие Эрзерума произвело особенно большое впечатление на союзников России по Антанте. Операции русского Кавказского фронта в отечественной исторической науке недооценивались, театр военных действий считался периферийным.

²⁴ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 305.

Но не так считали адепты периферийной стратегии – англичане. Это и неудивительно – в коалиционной войне, когда окруженный противник воспринимается как военный лагерь, любой удар даже в отдаленной точке может повлечь крушение врага. Так и случилось в 1918 г. – успех на Балканах явился началом цепной реакции крушения германского блока.

Командующий Кавказской армией генерал от инфантерии Н. Н. Юденич со штабом за работой. Фото из: Картины войны. Вып. 1. М., 1916.

Всегда победоносная русская Кавказская армия решала важнейшие стратегические задачи, питала резервами германо-австрийский фронт, наиболее результативно взаимодействовала с союзниками. Операции армии – эталон мастерства в условиях мировой войны, воплощение суворовских принципов ведения боевых действий, яркий образец коалиционной стратегии.

В кампании 1916 г. увеличивается удельный вес операций, проводимых по просьбе союзников или в их интересах. Это прежде всего Нарочская операция, ставившая главной задачей облегчение положения союзников у Вердена. Одной из целей Брусиловского наступления стала помощь вооруженным силам Италии, теснимым австрийцами в Трентинской операции. Наступление Юго-Западного фронта благотворно сказалось на проводимой союзниками операции на Сомме.

Серия операций русской армии на Кавказском фронте – также яркая иллюстрация помощи союзникам. Н. Н. Юденич использовал оперативную паузу между прекращением Дарданелльской операции и переброской высвободившихся турецких сил на Кавказ, сработал на опережение. Удар был нанесен по 3-й турецкой армии, последовательно разгромленной в Эрзерумской и Эрзинджанской операциях, а затем и по свежей 2-й турецкой армии, разбитой в Огнотской операции. С одной стороны, русское командование использовало неудачу союзников в Галлиполи, но с другой – разгромило турецкие армии (включая высвободившиеся резервы) по частям, чем в огромной степени помогла британским союзникам. Действия в Персии корпуса Н. Н. Баратова и осуществление боевых контактов и взаимосогласованных мероприятий с англичанами – весьма наглядный пример коалиционных действий, осуществляемых русской армией.

Основной формой стратегического маневра в кампании 1916 г. на австро-германском фронте был стратегический прорыв, что естественно для позиционной войны.

Русский вариант плана кампании 1917 г. предполагал следующее.

Главный удар должен был наносить Юго-Западный фронт в направлении на Львов (11-й и 7-й армиями), вспомогательный удар – в направлении Калуш – Болехов (8-й армией). На

Румынском фронте 4-й и 6-й русским армиям совместно с 1-й и 2-й румынскими армиями предстояло разгромить противника в районе Фокшан и занять Добруджу, а 9-й русской армии – сковать противника в Карпатах. На Северный и Западный фронты возлагалось нанесение вспомогательных ударов на участках по выбору главнокомандующих.

Разработанный временно исполняющим обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего В. И. Гурко план предусматривал перенос стратегического решения на Румынский фронт и Балканы. На Северном, Западном и Юго-Западном фронтах Ставка отказывалась от масштабных операций.

Генерал от кавалерии В. И. Гурко (Ромейко-Гурко) – с 14. 08. 1916. командовал Особой армией, 31. 03. – 22. 05. 1917. Главнокомандующий армиями Западного фронта. Фото из: Нива, 1914.

Но из руководителей фронтов с планом Гурко согласился лишь один А. А. Брусилов. Главнокомандующие войсками Северного и Западного фронтов воспротивились балканскому направлению, считая, что «главный враг не Болгария, а Германия». Они не понимали специфику коалиционной войны. В. И. Гурко находился в Ставке временно и не мог настоять на принятии своего плана. В итоге, принятый план был компромиссом.

План кампании 1917 г. – лучший из стратегических планов русского Верховного главкомандования. Но в полной мере реализовать его в послереволюционных условиях возможности уже не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.